

Хахалева Ольга Александровна

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья раскрывает сущность изменений социальной структуры общества. Основное внимание автор уделяет процессу коммуникации в мире информационных технологий и принципам организации социальной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 198-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 141.2

Статья раскрывает сущность изменений социальной структуры общества. Основное внимание автор уделяет процессу коммуникации в мире информационных технологий и принципам организации социальной системы.

Ключевые слова и фразы: социальные тревоги; информационные технологии; социальная структура общества; социальное неравенство; доступность; социальное расслоение; коммуникация; сетевой; ризома.

Ольга Александровна Хахалева

Кафедра управления персоналом

Красноярский государственный аграрный университет

Gold23@inbox.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[©]

Информационные технологии приобретают всё большую значимость в обществе и проникают в сферы его жизнедеятельности - политическую, экономическую, культурно-духовную и социальную. Одним из важнейших предметов социологического исследования является прояснение социальных тревог людей и безразличия общества среди информационных ресурсов. Обширный объем накопленных теоретических знаний, касающийся информационных технологий, оказывается неподвластным обществу, хотя темпы развития научного потенциала стали отставать от непрерывно растущих запросов социальной реальности. В широком смысле, это вопрос соотношения общественного бытия и общественного сознания в их организационной целостности. Несмотря на то, что общество становится информационным, познание информационных технологий большинства населения остается на примитивном уровне, а их эффективное использование представляется сомнительным.

В связи с этим возникает потребность в изучении влияния информационных технологий на социальную структуру общества.

Значительные уточнения произошли в определении роли знания как основы социальной структуры общества, социального расслоения. Эти уточнения и возражения группируются по самым разным основаниям.

Известный теоретик Д. Белл отождествил понятия знания и информации, задав на будущее определенный социальный стереотип. Между тем, очевидна необоснованность подобного отождествления, и сегодня скорее приходится говорить о степени доступа к информационным кодам как основании социальной стратификации, чем о степени овладения тем или иным теоретическим знанием [1].

Сегодня уровень знания не является основанием социального неравенства, а доступность информационных кодов как критерий социального расслоения в ряде случаев становится избыточным: достаточно учесть объективную доступность источников информации как таковых. В силу неравномерности их распространения (особенно очевидной в условиях нашей страны), как отдельные социальные группы, так и отдельные индивиды имеют разные информационные возможности.

Процесс коммуникации в мире электронных технологий с его соответствующим требованием все менее специализированных знаний возносит на лидирующие социальные позиции определенный тип людей - обладающих разнообразием и гибкостью познавательных процессов. В этой связи формирование технократических элит связано не только и не столько с их «близостью к информации», сколько с объективными изменениями социальной коммуникации. Так, возрастание скорости информационных потоков требует большей быстроты принятия решений во всех областях социальной практики, что может быть достигнуто только за счет их меньшей коллегиальности и большей конфиденциальности [3].

Таким образом, изменился параметр оценки информационного социума: не уровень знания, а характер отношения к информации становится основанием нового социального неравенства.

Что касается характеристики информационного общества, состоящей в возможности алгоритмизации и программирования социальных процессов, то ее судьба оказалась наиболее печальной. Ее несоответствие реальности доказывается достаточно разнообразно.

В качестве наиболее важной черты информационного общества исследователи выделяют его «сетевой» характер, замещающий прежнюю стратифицированную структуру, где доминирующие функции и процессы «все больше оказываются организованными по принципу сетей». Новая социальная морфология обществ, отмечает М. Кастельс [5], составлена именно сетями, а «распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью». Принадлежность к определенным сетям, а также динамика одних сетей по отношению к другим становится важнейшим источником власти. Все это позволяет М. Кастельсу охарактеризовать

современное общество как «общество сетевых структур, характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием» [Там же].

«Структура нового общества подобна структуре молекул», - отмечает Д. Танскотт: «в индустриальном обществе основной экономической единицей была корпорация. Иерархическая командно-административная система уходит своими корнями в бюрократические структуры церкви и армии аграрной эпохи... Сегодня старые корпорации распадаются, вместо них появляются динамичные молекулы и скопления людей и организаций...» [8, с. 63]. Социальные структуры в обществе технологий подчиняются не иерархическим принципам, они основаны не на линейном соподчинении, но существуют как совокупность узлов, расположенных на самых различных уровнях власти и выполняющих функции центра. «Сегодня строгая вертикальная иерархия», - как утверждает Э. Тоффлер, - «утрачивает свою эффективность, поскольку исчезают два основных условия ее успешного функционирования. Руководители сталкиваются со все более разнородными проблемами, и им при решении сложных технических и экономических вопросов приходится во все большей степени учитывать также политические, культурные и социальные аспекты. В то же время обратная связь с прежними уровнями становится все более неадекватной» [9, с. 290].

В значительной степени подобная социальная структура связана с доминированием принципов, которые пребывают внутри сетевой организации информационных потоков, основанных на взаимоотношении узлов, содержание каждого из которых зависит от характера конкретной сетевой структуры. При этом конфигурация доминирующих процессов и функций в обществе определяется конфигурацией отношений между сетями, а также включением в сетевые структуры или исключением из них.

М. Кастельс отмечает, что становление сетевых форм организации производства и, в особенности, связанное с этим распространение сетевого принципа коммуникации существенно затрудняет любую алгоритмизацию, ибо опирается на идею постоянного «доставивания» и собственно производственного, и коммуникативного процесса [4].

Если же обратиться к практике деятельности виртуальных производственных форм и виртуальных сообществ (как максимально выраженному воплощению идеи сетевых форм организации), то можно увидеть, что перенос значительной части информационных потоков во «всемирную Паутину» затрудняет контроль над ними со стороны тех или иных социальных институтов. Во многом это связано с известным фактом «размывания» статусных позиций в виртуальных сетевых организациях, с исчезновением привычных «ответственных лиц», на которых можно было бы оказать то или иное социальное давление [2]. Вместо них формируются новые центры влияния, так называемые «информационные брокеры» - люди или группы людей, играющие ключевую роль в организации коммуникации в основном через распространение ее новых норм и правил. Наконец, децентрализация и «умножение» субъекта электронной коммуникации (в силу новых возможностей «коллективного авторства» и «игр с идентичностью») определенно ставит под сомнение возможность какого-либо управления им и, тем более, «программирования».

Принципы информационной эффективности этой социальной системы отражает закон сетевых структур, сформулированный М. Кастельсом, согласно которому «расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети». Сетевая культура оказывается полностью детерминированной способом кодификации информации, где само сообщение выступает как «раскодировка среды, поскольку медиа - система настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории» [6].

Сообщение в границах письменной традиции требовало адекватной его интерпретации и стремилось к минимизации «информационных шумов» при трансляции, сетевая же коммуникация, основным воплощением которой стал гипертекст, основывается на принципах плюральности, ризоматичности, индетерминизма, аксиологической и ценностной антииерархичности. Если письменный текст существовал как формализованное знание, то в медиасфере доминирует информация, представляющая формализованный семантический образ. Если ранее культурное пространство выступало как сегментированное, радиальное, центроостремительное, то теперь ведущими становятся недифференцированные структуры с принципиальным отсутствием иерархичности и линейной детерминированности процессов и явлений.

В новой ситуации границы между центром и периферией становятся проницаемыми, размытыми, а такие основополагающие для культуры модернизма понятия как «культурное ядро» и «культурная матрица» теряют свой первоначальный смысл. Классическая культура структурировалась вокруг непрерывного поиска «единого», «бытия», «первоосновы», постклассическая же демонстрирует отсутствие генетической оси как глубинной структуры и изначально предполагает гетерогенность, антигенеалогичность, темпоральную изменчивость. Ведущим стал принцип множественности, уравнивания - семантического и аксиологического - всех входящих в культуру компонентов (мировоззрений, мироощущений, позиций), которое проецируется и на искусство, на науку, на политику, философию. Само же понятие истины как принципа соответствия знания объективному состоянию мира оказывается размытым и несвоевременным, неактуальным.

Эта зависимость была отмечена еще в 1976 году в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Ризома», впоследствии в переработанном виде включенной во второй том монографии «Капитализм и шизофрения. Миллион плато». Авторы рассматривали культуры, имеющие горизонтально-вертикальную иерархию, как «древесные». Те же культурные системы, структуры которых лишены регулярности, позволяющей прогнозировать

их развитие, и опираются на хаос, беспорядок, случайность как ведущие принципы организации были обозначены как «ризоматические». Все существующие в ризоматических системах смыслы - автономные или входящие во взаимодействие друг с другом - и порождаемые этими смыслами модели выступают на разных уровнях, плоскостях, «плато» и подчиняются иному, децентрализованному, возможно, более универсальному принципу структурирования реальности. Их характерными особенностями, по Делезу и Гваттари, выступают принципы связи, гетерогенности и множественности как не связанной с Единым, как не настроенной на первообраз, первоэлемент и существующей как совокупность различных (иногда - разнородных) элементов, скрепленных в едином модуле нелинейного процесса.

Естественно, что в информационном обществе на смену принципам системности, детерминизма и объективности [7, с. 39] как принципам кодирования информации, обусловленным характером письменного текста с его линейной логикой и причинно-следственными связями, приходят антииерархичность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм. «Проект модерна» (Ю. Хабермас) или «галактика Гуттенберга» (М. Маклюэн) были эпохой господства рационализма, историзма, гуманизма, выражали идеалы Просвещения и ориентировались на письменный текст. Выражением формирующейся сетевой культуры стал гипертекст, который, как отмечает М. Кастельс, «комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории». При этом информация начинает стремиться к явной избыточности, подвергаясь бесчисленным интерпретациям, дублированию, копированию, сжатию, разрастанию, комментированию и опираясь на множественность, нелинейность, циклизм, интертекстуальность, диалогичность, цитатность, стремление к существованию в виде совокупного текста. Ведущим методом функционирования информации здесь становится метод перманентных отсылок, межтекстовых цитат, предполагающих владение ранее переданными сообщениями.

Исходя из вышеизложенного, для социальной структуры общества становится характерным сетевой принцип организации. Одним из значимых факторов расслоения общества является неравномерная доступность к информационным ресурсам. Элитарная часть общества, способная быстро принимать решения и обладающая разнообразием и гибкостью познавательных процессов, лидирует в социальной структуре общества. Те, кто владеет информационными технологиями, занимают доминирующие позиции. Следовательно, в социальной структуре общества наблюдается отсутствие иерархичности и линейности.

Список литературы

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М., 2007.
2. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка – пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М., 2010.
3. Иноземцев В. Л. «Вечные ценности» в меняющемся мире // Свободная мысль – XXI. 2001. № 8.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–495.
6. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1.
7. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2004.
8. Танскотт Д. Электронно-цифровое общество. М., 1999.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003.

SOCIAL STRUCTURE CHANGES UNDER THE INFLUENCE OF INFORMATION TECHNOLOGY

Ol'ga Aleksandrovna Khakhaleva
Department of Personnel Management
Krasnoyarsk State Agrarian University
Gold23@inbox.ru

The author reveals the essence of social structure changes and pays special attention to the communication process in information technology world and social system organization principles.

Key words and phrases: social anxiety; information technology; social structure; social inequality; accessibility; social stratification; communication; network-based; rhizome.